

Политическая реформа 1989 года – незавершенная попытка обновления советского общества

«Ретроспективно, глядя назад и в особенности по прошествии все большего и большего времени, всегда легче найти доводы в подтверждение того, что реализовался единственно возможный или наиболее вероятный вариант развития событий.

На мой взгляд, (и здесь я вынуждена повториться в отношении того, что я говорила десять лет назад)- иной вариант развития в последние тридцать лет был возможен. Он был связан прежде всего, если говорить о I съезде народных депутатов и последующих событиях, с возможным союзом реформистской части номенклатуры, возглавляемой тогда Горбачевым, и демократическим движением».

В 2009 году я начала свое выступление на Горбачевских Чтениях¹, с того, что Перестройка была, наверное, самым счастливым в общественном смысле периодом моей жизни. И до сих пор я так думаю.

Первый съезд народных депутатов СССР – мы, конечно, видим из сегодняшнего дня. И наше восприятие этого события сильно изменилось за прошедшие 30 лет... Первое, что поражает, – то, насколько деградировала политическая и социальная ситуация в стране и по сравнению с 1989-м годом, и даже по сравнению с 2009-м годом.

Если говорить о нынешней социально-политической ситуации, то я бы коротко это сформулировала так: процесс, начавшийся в конце 90-х годов, видится завершенным. В результате, вместо государства как системы публичных институтов, в Российской Федерации сложилась система частной

¹ Выступление Т.Е. Ворожейкиной на Горбачевских Чтениях, 21 мая 2009 г. – в сборнике «Горбачевские Чтения», выпуск VII, с 128 - 134

власти, которая контролирует наиболее прибыльные экономические активы и все больше опирается на репрессивные структуры. Собственно, выходцы из этих структур и составляют костяк и исполнительной власти, и крупного бизнеса в России. Это то, что касается политической ситуации.

Думаю, что в определенном отношении мы вернулись к тому, с чего начиналась политическая реформа в период перестройки – к отсутствию политики и к отсутствию политической системы как системы публичных институтов.

На мой взгляд, в последнее десятилетие после экономического кризиса 2009 года, можно говорить о формировании социал-дарвинистской политики. Только по официальным данным, 20% населения живет за чертой бедности - это уровень нищеты. Можно говорить, что это бедность не только пенсионеров, но это и людей, работающих за крайне низкие зарплаты. Эта составляющая социал-дарвинизма лежит на поверхности, как «оптимизация» здравоохранения, образования....

Сошлюсь на последнее выступление Евгения Ройзмана на «Эхе Москвы», когда корреспондент пенял ему на то, что население не понимает необходимости посещать онколога, чтобы вовремя ухватить начавшийся процесс. Ройзман ответил, что в Свердловской области, в городах с населением 25–50 тысяч, нет онколога, а в городах с населением 50 тысяч ликвидированы роддома. И т.д.

Это в сочетании, скажем, с деятельностью строительной индустрии, — с тем, что Александр Эткин назвал колонизацией через строительство, то есть через выращивание квадратного метра. Достаточно посмотреть, во что превратилось Подмосковье, причем его самые живописные уголки.

Все это, на мой взгляд, можно назвать разрушением жизни, которое . иногда плохо видно из Москвы. Но оно присутствует. Иначе говоря, вот перспектива, из которой я, к сожалению, смотрю на события 30-летней давности.

I съезд, а до него XIX партийная конференция, на которой, собственно, была сформулирована концепция политической реформы, - это гораздо больше, чем только реформа. Это была попытка (не знаю, насколько осознанная, но думаю, что для части тех людей, которые это делали, осознанная) - создать политические институты. Создать политику как публичную сферу, которой в СССР не существовало с 1917 года. Если мы посмотрим на многовековую российскую историю, то политика как отдельная публичная сфера в России существовала с конца 1905-го по 1913-й год. Потому что с началом Первой мировой войны были введены очень серьезные ограничения.

Поэтому, конечно, политические реформы при Горбачеве - это был важнейший прорыв.

До сих пор не прекращается дискуссия о том, что одна из главных ошибок Горбачева состояла в том, что он начал процесс трансформации с политической реформы, а не с экономики. Что - то ли дело в Китае, где Дэн Сяопин начал реформы с экономики. И вот Китай достиг такого процветания... При этом всегда остается за скобками цена этого процветания с точки зрения демократии. Ровно тридцать лет назад, - а история так распорядилась, что это было связано или совпало с визитом Михаила Сергеевича Горбачева в Китай, - была, в общем, расстреляна, раздавлена китайская попытка реформы, в которой участвовали два человека – бывший председатель ЦК КПК Ху Яобан² и Хуа Гофэн³. Они, собственно, на это ставили. И надо отдавать себе отчет в том, что именно Дэн Сяопин – отец китайских экономических реформ, которые действительно оказались удачными, - принял решение об отказе от политической демократизации и о той кровавой бойне, которая была устроена на площади Тяньаньмэнь. Это его решение. Иначе говоря, теория модернизация, согласно которой сначала

² Ху Яобан -китайский государственный и политический деятель, генеральный секретарь ЦК КПК (1980-1987) и Председатель КПК

³ Хуа Гофэн – китайский государственный деятель, преемник [Мао Цзэдуна](#) на посту председателя КПК (1976—1981). Не сумев собрать вокруг себя группировку сторонников, в конце 1978 года был фактически отстранён от власти [Дэн Сяопином](#), выступавшим за проведение рыночных реформ в стране. В 1981 году Хуа Гофэн был смещён с поста Председателя КПК, а менее чем через год был упразднён и сам этот пост как не соответствующий Уставу КПК..

происходит экономическая либерализация, а потом на ее основе происходит политическая демократизация, на примере Китая не подтверждается. Более того, ставятся под вопрос важнейшие постулаты этой теории: во-первых, то, что рыночная экономика рано или поздно порождает демократическую систему. Китай показывает, что нет, не порождает, а порождает, в общем, за последние пять лет попятное движение. Во-вторых, то, что авторитарная система в принципе не способна создать эффективную экономику с сильным инновационным началом. Китай показывает, что да, за сорок лет способна. Мне не кажется, в СССР китайский путь был невозможен. Если мы посмотрим на историю 85-86-го годов, то увидим, что думали, примерно, то же самое. Вообще речь шла о выходе из экономической ямы. Тем не менее, и я считаю заслугой Михаила Сергеевича Горбачева то, что он понял и на январском Пленуме 1987 года сформулировал: без политической реформы, без изменений (изменений, а не разрушения!) государственно-партийной структуры, которая лежала в основе советской экономической модели, мы не можем эту проблему решить.

Были ли адекватны те политические формы, которые были предложены обществу в 1989 году для создания новых политических институтов, коль скоро речь шла о формировании политики? Я хорошо помню это время, буквально по дням. Потому что я была членом Избирательной комиссии по Севастопольскому избирательному округу города Москвы от Института мировой экономики и международных отношений. Там конкурировали академик Богомолов – один из прорабов перестройки, директор Института соцсистемы РАН и секретарь Севастопольского райкома КПСС Брючихин.

Это были первые свободные выборы. В Москве они были конкурентными. Были, конечно, неконкурентные округа. Но в Москве и в Ленинграде они были конкурентными. Это были первые свободные конкурентные и честные выборы. Я помню, как мы считали. У нас не сходилось, мы никак не могли найти три голоса. И мы их считали, считали и

считали, чтобы эти три голоса найти. Я думаю, что это было откровением, по крайней мере, для трех поколений, если не больше, советских людей.

В условиях общественного подъема, который начинается в 1987 году, в условиях разбуженного общества, начавшейся самоорганизации снизу, избирательная кампания стала колоссальным ускорителем этой политической самоорганизации. Опять-таки это происходило в крупных городах - все время это подчеркиваю. Потому что, забегаю вперед, скажу. Мне кажется, что Межрегиональная депутатская группа и те, кто тогда называл себя демократами, в общем, преувеличивали свой вес в стране. Их вес, если говорить о России, если не говорить о Прибалтике, был, прежде всего, конечно, обусловлен их влиянием в Москве и в Ленинграде, и еще нескольких крупных областных центрах. Тем не менее, это был колоссальный ускоритель.

И в этих условиях произошло нарушение принципа всеобщего избирательного права - то есть выбор по куриям, непрямой характер выборов в создаваемый институт представительной власти – в Верховный Совет СССР. То есть двухступенчатый. Съезд, который выбирает Верховный Совет, действующий на постоянной основе. Это воспринималось разбуженным обществом как отступление от провозглашенных Горбачевым целей демократизации. То есть чисто субъективно люди были возмущены, тем более что потом это повторилось. Курий уже не было, но непрямой характер выборов повторился и на выборах 1990-го года.

С моей теперешней точки зрения, да и тогдашней, пожалуй, в условиях общественного подъема этот вопрос не имел решающего значения. Потому что выборы по квоте в Академии наук и выборы в творческих союзах стали также ареной борьбы за демократию, как и выборы в округах - тех, где они были конкурентными. Однако тогда люди, разбуженное общество, наиболее склонное к протестам и борьбе за изменения, сочли это отступлением от курса или уступкой.

Неожиданно этот вопрос стал центральным или одним из центральных в обсуждении 30-летия I съезда народных депутатов СССР, которое состоялось в Сахаровском центре 25 мая 2019 года. Меня поразило, что так или иначе, в той или иной форме четыре из пяти выступавших, а именно Аркадий Мурашев, Анатолий Шабад, Петр Филиппов и Александр Гельман, выступили - с оговорками или просто против - всеобщего избирательного права. Я бы сказала, что эта укоренившаяся идея - о том, что темные массы, не понимающие своего интереса, не способны правильно голосовать в условиях демократии. Это было неоднократно повторено, можно это прочесть во множестве мест стенограммы. И часть этой дискуссии велась вокруг того, что куриальные выборы - это правильно, что двухступенчатые выборы - это правильно. Потому что народ наш темен и не понимает, в чем состоит его реальный интерес.

Могу сказать, что в XXI веке обсуждать целесообразность всеобщего избирательного права - это уже атавизм.

Если говорить по существу, что общественный подъем, пиком которого стали обсуждения на I съезде, причем не только внутри зала, но и на митингах в Лужниках (я на них ходила, как и многие, слушала и смотрела, у меня лежат пленки, где я записала все эти дискуссии) - тот общественный подъем во многом формировался вокруг защиты социальных прав. Иначе говоря, «темный народ» массово выступил против вредных экологических производств. Не буду приводить примеры, потому что их множество. Народ выступил против разрушения среды обитания. Были колоссальные выступления в защиту прав рабочих на предприятиях и т.д. и т.д.

Значительная часть этого общественного подъема происходила «снизу».

Социологические исследования (я ссылаюсь в данном случае на работы Леонида Иосифовича Полищука из Высшей школы экономики) показывают, что отношение к свободе, рынку и демократии в России было очень позитивным и не отличалось качественно от других западных стран и

США в частности. Таким образом, разочарование в свободе и демократии – стало прямым следствием начала реформ в 92-м году.

Наконец, еще одно очень важное замечание, опровергающее представления о «темной массе» и «просвещенных либералах». Путина к власти в России привели не темные массы, а вполне просвещенные либералы, которые, говоря словами Галича, точно знали, как надо. И это достаточно четко прослеживается.

Заканчивая этот сюжет, хочу сказать, что я убеждена: сохраняющаяся донныне и очень распространенная народобоязнь российских либералов, их высокомерие по отношению к обществу, народу, населению, на мой взгляд, является главным препятствием на пути формирования оппозиционной социально-демократической коалиции, которая могла бы вернуть Россию на путь демократического и институционального развития. То есть уйти от «режима частной власти», все более опирающейся на репрессивную социал-дарвинистскую политику, и перейти к нормальному развитию, бенефициарами которого становилось бы и население, а не только те, кто пристроился к строительному и, скажем так, нефтедобывающему комплексу.

Было ли возможно иное?

Следующий вопрос – главный, вокруг него вращается и современная дискуссия: *было ли возможно иное?* Ретроспективно, глядя назад и в особенности по прошествии все большего и большего времени, всегда легче найти доводы в подтверждение того, что реализовался единственно возможный или наиболее вероятный вариант развития событий.

На мой взгляд, (и здесь я вынуждена повториться в отношении того, что я говорила десять лет назад)- иной вариант развития в последние тридцать лет был возможен. Он был связан прежде всего, если говорить о I съезде народных депутатов и последующих событиях, с возможным союзом

реформистской части номенклатуры, возглавляемой тогда Горбачевым, и демократическим движением. На мой взгляд, такой союз был бы возможен, если бы обе стороны понимали его важность и признавали его необходимость.

Виктор Леонидович Шейнис в своем выступлении в Горбачев-Фонде⁴ в 2009 г. очень четко проанализировал, почему ни Горбачев и реформистская часть номенклатуры, ни Межрегиональная депутатская группа, в общем-то, не понимали, о чем идет речь. Но при наличии такого союза было бы реальным отделение КПСС от государства и превращение Советов в единственный полномочный орган власти в стране. На мой взгляд, в 1989-91-м годах происходило определенное движение в направлении именно такой институционализации. Очень интересно смотреть, как тот же Горбачев пытается создать действительно институциональное, подотчетное Верховному Совету правительство. Это все выглядит крайне неуклюже, но направление было задано, на мой взгляд, верное.

Возможно ли использование прежних политических институтов в процессе перехода от недемократической системе к демократической?

Хочу сослаться на опыт трансформации авторитарного режима в Испании, который был основан той частью старой системы во главе с премьер-министром Адольфо Суаресом. В Испании был лозунг «От одной законодательной системы к другой законодательной системе, через закон, путем закона, а не силы». Не случайно в Испании те силы, которые выступали за разрыв, за руптуру с франкизмом, - не смогли победить. Это означало, что франкистские кортесы проголосовали в 1976-м году за роспуск Испанской фаланги. Если проводить параллель с Советским Союзом – за роспуск КПСС. И потом они (франкистские кортесы) проголосовали за самороспуск.

⁴ Выступление В.Л. Шейниса на Горбачевских Чтениях, 21 мая 2009 г. – в сборнике «Горбачевские Чтения», , выпуск VII, с 136 - 147

Испания показывает, что возможно использование прежних политических институтов в процессе перехода от авторитаризма к демократии. Именно такой путь, в общем, попытались начать в 1989-м году в СССР. Этого не произошло в результате, на мой взгляд, трех взаимосвязанных процессов.

Первый – это процесс национальной дезинтеграции, который привел к распаду СССР. На мой взгляд, (здесь я, в общем, не согласна с тем, что говорит Михаил Сергеевича Горбачев) этот процесс стал неизбежным, он находился вне контроля союзной власти с начала 1990 года. Если I Съезд был кульминацией, когда казалось, что мы можем развернуться вместе, то после Съезда начинается отстаивание социальными, национальными и политическими силами своих интересов уже в жестком варианте. Шахтерами, Прибалтийскими республиками и т.д. и т.д. То есть была взята линия на раскол. Иначе говоря, этот процесс находился вне контроля.

Второй процесс – это путч 19 -21 августа 1991, тоже связанный с этим процессом национальной дезинтеграции.

Третий важнейший процесс – это победа в Российской Федерации коалиции номенклатуры и либералов во главе с Ельциным. Эта коалиция в 90-е годы восстановила традиционное для России единство власти и собственности и традицию силового навязывания интересов тех сил, которые оказались в данный момент во главе исполнительной власти.

На мой взгляд, в 1993 году было окончательно закрыто «окно возможностей», которое было, в общем, открыто не в 89-м году, а, скажем так, в 87-м, но 89й год был кульминацией.

Убеждена в том, что подлинное, хотя и нереализованное историческое обновление, то есть разрыв с традиционной системой господства и выход за пределы зависимости от траектории предшествующего развития олицетворял Горбачев при всех его ошибках, колебаниях. Горбачев, а не Ельцин, как многим казалось в 89-м году. Именно Горбачев стремился, по сути дела, к формированию институциональных механизмов, так, как он их понимал -

механизмов разрешения конфликтов в обществе через политическими средствами , в политической сфере. Он сам это много раз повторял.

Именно создание институционального политического механизма разрешения конфликтов составляет суть и смысл демократии, а не разрушение парламента под лозунгом того, что он стал ретроградным и «мешает нашим реформам», как говорил в свое время Геннадий Бурбулис.

Повторится ли такая возможность в России в будущем, откроется ли опять «окно возможностей», извлекут ли участники уроки из опыта 89-91-го годов? Честно говоря, ответа на этот вопрос я не знаю.